

**РОЛЬ ГРАММАТИКИ В ОПИСАНИИ ОБРАЗА МИРА
(в аспекте преподавания русского языка как иностранного)**

О. И. Шарафутдинова

THE ROLE OF GRAMMAR IN DESCRIBING THE LINGUISTIC WORLD IMAGE

(in aspect of teaching Russian as a foreign language)

O. I. Sharafutdinova

В статье ставится вопрос о возможности описания образа мира, отраженного в языке через грамматические категории данного языка. Специфика грамматических категорий и их функционирования обнаруживается в тех ошибках, которые допускают в своей речи иностранцы. Данный подход позволит наметить новые пути как анализа ошибок в речи иностранцев, изучающих русский язык, так и их преодоления.

Ключевые слова: образ мира, грамматика, грамматические категории, типы ошибок.

The article arises the question of describing world image by the way of grammatical categories of the language. The specific character of grammatical categories and their functioning is revealed in grammar mistakes of foreign students. This method gives new ways to analyse grammar mistakes and to eliminate errors in the speech.

Keywords: world image, grammar, grammatical categories, typical mistakes.

Человека всегда интересовала проблема отношений языка и мира, языка и мышления. Перед исследователем рано или поздно встает вопрос, какую роль играет язык в освоении мира «человеком говорящим». В этом плане весьма показательны слова К. Леви-Стросса: «Я думаю, что всегда всё дело в языке. Язык представляется мне фактом культуры по преимуществу ... язык – наиболее совершенное из всех явлений культурного порядка, которые образуют (в том или ином виде) системы, и если мы хотим понять, что такое искусство, религия, право, может быть даже кухня и правила вежливости, мы должны рассматривать их как коды, формируемые сочетанием знаков по образцу языковой коммуникации» [Цит. по: 13. с. 24].

Однако речь можно вести не только о языке вообще, но и о каждом конкретном языке, предлагающем своему носителю вариант освоения и познания мира. В связи с этим различают грамматические универсалии и национальную специфику языков, отражающую не только бытовые представления о мире, но зачастую и научные, лингвистические. Согласно закономерности, намеченной в исследовании Е. В. Падучевой и А. А. Зализняка, металингвистическое описание зависит от родного языка исследователя [5].

В современной лингвистике исследование национальной специфики языка, ментальности, как правило, связано с изучением концептов, языковой картины мира, с лексикой и семантикой языковых единиц, их сочетаемостью. Однако менталитет проявляется и в грамматических категориальных формах (см., например, [11]). В каждом языке имеется система взаимосвязанных грамматических категорий, которые разнообразны по своему характеру и объему. В грамматическом строе выражаются наиболее общие связи и отношения между предметами и явлениями объективной реальности, поэтому количество грамматических категорий в системе языка относительно невелико, но каждая категория оказывает свое организующее действие на большое количество слов [11].

Грамматика задает определенную модель описания мира в языке, создает своеобразную «кристаллическую решетку», без знания которой носитель / пользователь языка не сможет осознать в полной мере ни законы существования языка, ни законы его функционирования и, как следствие, не сможет создать грамотное высказывание. Наличие подобной «грамматической решетки» подтверждается тем фактом, что любая лексическая единица существует только в ее грамматической оболочке. Такова знаковая природа языка: нет содержания без формы, означаемого без означающего.

Таким образом, изучение национальной специфики языка, элементы которой складываются в некий образ мира, имеющийся у носителей данного языка, предполагает и системное описание грамматических явлений. Между тем грамматические категории, как правило, воспринимаются носителями языка как данность: среднестатистический носитель русского языка как родного задумывается, например, о значении слова, специфике употребления того или иного выражения, но не о категориях рода, числа, падежа и пр., реализующих употребленную им языковую единицу [14]. Иная ситуация наблюдается в речи иностранцев, которым нужно разрушать собственную грамматическую модель, чтобы увидеть мир в категориях другого языка, или приспособлять собственное грамматическое членение образа мира к категориям изучаемого языка.

Следовательно, изучение элементов образа мира, отраженных в категориях грамматики, имеет как теоретическое, так и прикладное значение. В первом случае речь идет об описании связи языка и мышления, процессов познания окружающей действительности. Во втором – о проблемах и трудностях, возникающих при усвоении иностранного языка. Не случайно в современной лингвистике и лингводидактике большое внимание уделяется разработке теории лингвистической ошибки, классификации типов оши-

бок (в том числе грамматических) в речи и иностранцев, и носителей русского языка как родного.

Рассмотрим основные аспекты изучения национальной специфики языка. Как правило, большой интерес исследователей вызывает *содержательный компонент национальной специфики*, заключающийся в совокупности тех идей, которые этнос счел настолько важными для себя, что принудил к их регулярному воспроизведению в мышлении и речевом поведении. Например, авторы книги «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (вслед за А. Вежицкой) называют несколько фундаментальных свойств, формирующих «семантический универсум» русского языка: эмоциональность, иррациональность, неагентивность. «Русская грамматика располагает множеством конструкций, представляющих положение дел в действительности как противоречащее или, по крайней мере, не зависящее от воли и желания человека». И далее: «Русский язык предоставляет говорящему на нем массу возможностей снять с себя ответственность за собственные действия» [4, с. 162]. Речь идет о таких конструкциях, как глагол с дательным падежом субъекта ((мне) удалось, привелось, пришлось) или глагол с предлогом «у» и родительным падежом ((у меня) получилось, сложилось) и т. д.

Кроме того, содержательной спецификой характеризуются и отдельные грамматические категории. В данном аспекте показательны, прежде всего, те категории, которые отражают формальное устройство языковой системы и не имеют четкой логической связи с явлениями реального мира. В русском языке к таковым можно отнести, например, категорию рода (для неодушевленных существительных), падежа и т. д.

Для выявления национальной специфики грамматической системы выделяется несколько принципов, на основании которых обозначаются различия в способах представления того или иного содержания в грамматиках языков. В этом заключается т. н. *интерпретационный компонент* национальной специфики грамматики [8]. В рамках данного подхода изучается, во-первых, количество членов грамматической категории. Например, категория падежа: в падежной системе отражаются типичные отношения между адресатом, инструментом, местом и пр. При этом существуют варианты распределения падежных значений (каждому типу отношений соответствует отдельная форма, как в финно-угорских языках; за одной формой закрепляется несколько значений на основе обобщения, как в русском языке; категория отражает общее противопоставление субъекта и всех остальных участников событий, как в английском языке). С одной стороны, важным оказывается принцип объединения значений в одну падежную форму. Например, характерное для русского языка выражение субъекта косвенными падежами («мне нравится», «мне больно», «у меня есть») может свидетельствовать о некоторой ослабленности выражения субъекта. С другой стороны, степень расчлененности значений и закрепление их за определенной формой указывают на релевантность оснований для такого закрепления в сознании носителей языка. Ярким примером здесь является совокупность значений предложного падежа в русском языке: объединение значений места и косвенного объекта при глаголах мысли или речи, то есть со-

четание внешней пространственной характеристики и объекта мыслительной или речевой деятельности.

Важным критерием для интерпретации национальной специфики грамматики, во-вторых, является наличие / отсутствие грамматической категории в языке. Как уже было сказано, существование грамматической категории – показатель релевантности данного значения в лингвокультуре и обязательности его выражения. Например, отсутствие в русском языке артикля, категоризирующего предмет по признаку определенности / неопределенности, усиливает значение указательных местоимений, позволяющих лексическими средствами выделить один предмет из множества подобных: «Мне нравится этот костюм (эта сумка, это пальто, эти часы)». Примечательно, что иностранцам – не славянам, начинающим изучать русский язык (элементарный уровень владения), сложно различать значение и употребление указательного местоимения в конструкциях типа «это (= вот) стол» и «этот стол».

В-третьих, в рамках интерпретационного подхода внимание привлекает разное соотношение грамматических категорий. Речь идет, в первую очередь, о тенденции описывать предмет, признак и пр. синкретично или аналитично (т. е. с указанием на самостоятельность и важность каждого параметра). Для носителя языка как неродного трудность зачастую связана с осознанием того, что употребляемая им единица не только имеет лексическое значение, но выражает целый ряд грамматических характеристик. Отсюда и распространенность ошибок такого типа: «я вижу красивый девушку», «вчера вечером я читаю» и т. п. Если говорить о конкретных категориях, то для русского языка, пожалуй, самыми сложными по соотносимости с категориями других языков являются категории вида и времени, осложняемые функционально-семантическими категориями аспектуальности, темпоральности и временной локализованности. Поскольку вид является постоянной характеристикой глагола, он определяет количество временных форм (три формы времени у глаголов несовершенного вида, и только две формы – у глаголов совершенного вида). Кроме того, грамматической категории времени нет в формах сослагательного, повелительного наклонений, в инфинитиве. Таким образом, категория вида доминирует над категорией времени. Абстрактность данной категории, отсутствие формальных показателей и ее отсутствие во многих неславянских языках приводит к многочисленным ошибкам в речи иностранцев: «он будет купить», «я буду узнать», «он будет пойти» или «он будет прочитает», «он будет купит» и т. п.

Таким образом, анализ национального своеобразия языка, закрепленного в его грамматической системе, позволяет описать представления о мире отдельного этноса, то есть образ мира, характерный для той или иной культуры. Кроме того, сопоставление различных грамматических структур позволит обнаружить их «столкновение» в речи иностранца, использующего неродной язык. В этом плане весьма продуктивным является изучение лингвистической ошибки, которая находится в центре внимания различных лингвистических и смежных с ними дисциплин. Однако цель описания и систематизации ошибок в речи учащихся в рамках данных дисциплин различ-

на. Если лингводидактика и методика преподавания русского языка направлены на выработку методических приемов и технологий, обеспечивающих создание корректных и нормативных высказываний (прикладной аспект), то, например, психолингвистика описывает механизм порождения речи, процессы функционирования языка у пользующегося им человека и ту «смену» регистра, которая приводит к появлению ошибки (теоретическое осмысление).

Типы ошибок, специфика их возникновения изучались на материале речи и русскоязычных, и иноязычных учащихся. Многочисленные попытки создать единую классификацию ошибок объясняются рядом причин: нечеткое разграничение основных видов ошибок в существующих классификациях; выведение из классификаций логических ошибок; отсутствие в классификациях целого ряда коммуникативно значимых нарушений и т. п. [2].

Как правило, ошибки систематизируют по уровням (аспектам) языка. Однако осознается необходимость создания классификации, отвечающей современному пониманию теории коммуникации. Так, например, Л. О. Бутакова предлагает свою классификацию ошибок, основанную на единицах языкового яруса, нормы образования, написания, функционирования которых нарушаются. Автор различает речевые ошибки на разных уровнях – слова, словосочетания, предложения, текста (полную классификацию [2]).

Исследование речевых ошибок ведется по разным направлениям и включает сбор и анализ ошибок как в связи с обучением иностранным языкам, так и для выявления специфики процессов овладения родным или вторым языком в детском возрасте (см., например, работы С. Н. Цейтлин). А. А. Залевская отмечает, что «динамика трактовки ошибки сводится к переходу от рассмотрения ее как интересного казуса и / или недопустимого нарушения прескриптивного правила к признанию естественности речевых ошибок и важности анализа механизмов ошибки как инструмента научного исследования процессов и механизмов ... продуцирования и понимания речи, организации языковых явлений в готовности к их применению в речемыслительной деятельности» [3, с. 6]. А. А. Пойменова также указывает на ошибку как на важное вспомогательное средство овладения иностранным языком: «Именно они [ошибки], а не правильные высказывания, показывают, что учащийся усвоил, а что – нет, имитирует ли он услышанное или активно перерабатывает его. Ошибки дают ключ к пониманию механизма овладения языком, ибо они обеспечивают убедительные косвенные данные о функционировании когнитивных систем, посредством которых перерабатывается воспринимаемый языковой материал» [3, с. 14]. Для многих современных психолингвистов становится очевидной необходимость разработки «интегративной теории ошибок, важной для объяснения механизмов речемыслительных процессов, правильных и ошибочных речевых действий с учетом концепции языка как достояния индивида» [3, с. 18].

При всем сходстве типологии ошибок в речи носителей русского языка как родного и как иностранного отмечается ряд различий. Наиболее распространенным в современной лингводидактической практике основанием для классификации ошибок в речи

иностраных учащихся также являются аспекты языка (тогда речь идет о фонетических, грамматических, лексических ошибках) и аспекты речи [1, с. 354]. Возникающие речевые ошибки делят на типичные, систематические и окказиональные.

Однако изучение типов ошибок в речи иностранцев, в отличие от речи носителей русского языка как родного, предполагает учет явления интерференции – межъязыковой и внутриязыковой. Межъязыковой интерференцией называется «...замена языковых единиц и правил обращения с ними... единицами и правилами, близкими или общими контактирующим языкам» [9, с. 12], а внутриязыковая интерференция – это замена языковых единиц и правил обращения с ними внутри одного (в данном случае, изучаемого) языка, приводящая к ошибке.

Следовательно, ошибки в речи иностранцев – и лексические, и грамматические – представляют интерес и с точки зрения столкновения образов мира, воплощенных в разных языках. В связи с этим встает вопрос о таких принципах классификации грамматических ошибок в речи иностранцев, которые позволили бы отразить систему представлений о мире, не укладывающихся в грамматическую структуру, модель изучаемого языка. Однако до сих пор общепринятой считается традиционная классификация – аспектная (уровневая) и «тематическая»: ошибки, связанные с неверным употреблением и образованием падежных, видовых, временных форм и т. п.

Грамматические ошибки, возникающие при построении высказывания на неродном языке, указывают в ряде случаев на несоответствие грамматических категорий в родном и неродном языках, сложность для говорящего установить эквивалентные в смысловом плане замены, поскольку между грамматическими категориями разных языков возможны такие отношения, как полное совпадение, частичное несоответствие, отсутствие категории в одном из языков. «Если то или иное грамматическое значение является обязательным для выражения во втором языке, но не было обязательным в первом, то человек, овладевающий новым языком, неминуемо сталкивается с проблемами, с которыми ему бывает нелегко справиться» [12, с. 46]. Перевод (в том числе во внутренней речи), связанный с механической заменой грамматических форм родного языка формами, например, русского языка, неосуществим, поскольку такая автоматическая подстановка может исказить смысл высказывания или привести к грамматическим ошибкам. Как отмечает С. Н. Цейтлин, «овладение морфологической категорией предполагает освоение ее как в плане содержания, так и в плане выражения. Освоенность плана содержания заключается во владении всем набором семантических и структурных функций, который закреплен за каждой из составляющих ее граммем, освоенность плана выражения предполагает умение построить нужную морфологическую форму, точнее – перейти от одной формы к другой тем способом, который принят в языке» [12, с. 46]. Сложность освоения морфологических форм заключается в «нераспоржимом единстве плана содержания и плана выражения» [12, с. 46].

Однако при анализе примеров, содержащих грамматические ошибки, исследователь сталкивается с ря-

дом трудностей. Так, возникает необходимость отделить, во-первых, индивидуальные нарушения языковых норм от типичных нарушений, характерных для многих носителей данного языка; во-вторых, влияние родного для студента языка от методических ошибок преподавателя; в-третьих, процесс речепорождения и создания формы от репродуцирования формы, например, при создании текста на основе предложенного.

Рассмотрим некоторые типичные ошибки, возникающие в речи студентов-китайцев при изучении русского глагола, в сравнении с соответствующими характеристиками китайского языка.

1. Образование формы будущего времени. Очень часто образуется составная форма будущего времени со связкой «быть» и глаголом совершенного вида, что является нарушением нормы русского языка. Например: *будет пойти, будет купить*. Данная тенденция отражает стремление передать грамматическое значение будущего времени с помощью специального средства. В китайском языке категория времени передается с помощью служебных слов, которые, как правило, восходят к знаменательным единицам [10].

2. Спряжение глагола: *каждый год много выводить; каждый день я помочь маме работать; они не работает*. Будучи аморфным, китайский язык лишен словоизменения. Это означает, что в нем отсутствуют морфологические средства выражения категорий «время», «аспект», «лицо» и т.д. Информация о пространственно-временной организации действительности, отраженной в языке, передается не словоформами и не в обязательном порядке [10]. Здесь действуют совершенно иные, чем в русском языке, механизмы кодирования и декодирования. В русском языке глаголы имеют грамматическую категорию лица, выделяются личные и безличные глаголы. В китайском языке данная категория отсутствует, один китайский глагол соответствует двум русским глаголам: лично-му и безличному. Например: *xiang – хотеть, хотеться; xiangxin – верить, веритья; genwei – думать, думаться* [7].

3. Употребление инфинитива в составе составного глагольного сказуемого: *я люблю слушаю музыку; любят путешествуют; я хочу поступаю на филологический*. Возникает избыточность при выражении значения лица.

4. Употребление совершенного / несовершенного вида: *не сможет от этой жизни уходить; и он потом умирает* (вместо «умрёт»); *это я не узнала* (вместо «знала»); *я начала найти работу; потом я открывала свой талант* (вместо «открыла»).

В русском языке основу грамматической категории вида составляет система противопоставленных друг другу рядов форм – совершенного и несовершенного вида. Большая часть русских глаголов образует видовую корреляцию (видовую пару). В китайском языке данная категория не представлена как морфологическая категория глагола, а выражается в предложении зависимыми от глагола членами, на лексическом уровне русскому глаголу совершенного и несовершенного вида соответствует один китайский глагол: *mai – купить, покупать; jixi – продолжит, продолжат* [7].

5. Употребление глаголов движения: *она часто пойдёт в детском доме; она ходила на маршрутке*.

При характеристике данного типа ошибок можно сослаться на объяснение нарушений в использовании глаголов совершенного / несовершенного вида, поскольку механизм действия здесь очень схож. Глаголы движения вступают в оппозицию по признаку однонаправленности / разнонаправленности действия, однако в китайском языке и однонаправленному и разнонаправленному действию соответствует один глагол, например: *zou – идти, ходить; gan – знать, гонять* [7].

Более того, в русском языке разным частям речи присущи определённые морфологические показатели, а в китайском языке таких показателей практически нет. Поэтому одно и то же китайское слово может быть одновременно адекватным в русском языке и существительному, и прилагательному, и глаголу, обозначая и предмет, и признак, и действие: *peng – мочь, можно; gaoxing – радость, рад, радоваться; tongyi – согласие, согласный, согласится* [7].

Формально-структурные характеристики русского и китайского языков обусловлены синтетическим и аналитическим строем этих языков и обуславливают, в свою очередь, типологически значимые различия и в лексике, и в грамматике. Такие сущностные различия в грамматических системах языков предопределяют типичные грамматические ошибки в речи китайских студентов, изучающих русский язык.

Классификация грамматических ошибок, учитывающая специфику отражения образа мира в грамматике и созданная с учетом достижений как психолингвистики, так и этнометодики, позволит наметить эффективные пути преодоления таких ошибок в речи иностранных учащихся.

Литература

1. Балыхина, Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового) / Т. М. Балыхина. – М.: РУДН, 2007.
2. Бутакова, Л. О. Опыт классификации ошибок, свойственных письменной речи / Л. О. Бутакова // Вестн. Омского ун-та. – 1998. – Вып. 2.
3. Залевская, А. А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования / А. А. Залевская // Вопр. психолингвистики. – 2009. – № 9.
4. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Яз. славян. культуры, 2005.
5. Иванов, Вяч. Вс. Грамматические универсалии. Глагол и имя // Вяч. Вс. Иванов. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. – М., 2004.
6. Курдюмов, В. А. Курс китайского языка: теоретическая грамматика / В. А. Курдюмов. – М., 2006.
7. Ли, Сяндун. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков / Ли Сяндун // Вопр. филологии. – 2003. – № 2 (14).
8. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета / Т. Б. Радбиль. – М.: Флинта, 2010.
9. Рогозная, Н. Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев / Н. Н. Рогозная. – Иркутск, 2001. – 332 с.
10. Тянь Аошуан. Методическая концепция преподавания языка изолирующего строя / Тянь Аошуан

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iaas.msu.ru/dep_r/dep4/res_r.html.

11. Флакман, А. А. Немецкий язык как отражение ментальности его носителей / А. А. Флакман: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04. Германские языки. – Нижний Новгород, 2005.

12. Цейтлин, С. Н. Грамматические ошибки в освоении русского языка как первого и второго / С. Н. Цейтлин // Вопр. психолингвистики. – 2009. – № 9.

13. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. – М., 2009.

14. Шарафутдинова, О. И. Специфика изучения русского языка как родного и иностранного (нормативный аспект) / О. И. Шарафутдинова // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 33. – Вып. 60.

15. Яхонтов, С. Е. Категория глагола в китайском языке / С. Е. Яхонтов. – Л., 1957.